

Юрий КОЗЛОВ, краевед, заслуженный работник культуры Ульяновской области. Автор книг «Столыпин и Симбирскъ», «Генерал Каппель и волжане», «Керенский из Симбирска» и др.

ТАЛАНТЛИВОЕ И АВТОРИТЕТНОЕ В НАУКЕ ПЕРО

К 180-летию со дня рождения зоолога, писателя, охотника
Модеста Николаевича Богданова

Дед его, московский чиновник Василий Фёдорович Богданов «за отлично-усердную службу» был пожалован потомственным дворянством. Отец, Николай Васильевич, три года прослужил подпрапорщиком в армии и вышел в отставку. Он женился на Анне Борисовне Бестужевой из древнего благородного рода и поселился в имении жены Русская Бекшанка Сызранского уезда Симбирской губернии.

Модест родился 19 сентября 1841 года, между ним и младшими братьями было более десяти лет разницы. Его приятелями стали крестьянские дети, чему отец не противился. Николай Васильевич в имении держал голубятню и учил сына, как ухаживать за птицами, как их кормить и лечить в случае болезни, замечая при этом, что «всякое дело требует знаний».

С семи лет Модест ходил с отцом на охоту. Случалось, что вместе с убитой дичью домой приносили мелких зверьков и птенцов; клетки и ящики занимали все углы в детской. Мальчугану доставалось за свой зверинец от матери, она ссорилась с потакавшим ему отцом и, наконец, махнула рукой.

«Каждый поход в лес, в поле, на речку кончался знакомством с новым, невиданным животным. Каждый день перед моими глазами развёртывались новые картины природы, картины живые, подвижные, переменчивые, где ни одна фигура не оставалась праздной, безучастной. Сцены жестокой борьбы между животными, вызываемые голодом и жаждой, сменялись сценами счастья, привязанности и самоотвержения. Природа открывала мне свои заветные тайники».

Модест Николаевич Богданов

В десять лет Модеста отдали в Симбирскую гимназию. Тепло вспоминал он преподавателя русского языка Н.А. Гончарова, старшего брата знаменитого писателя. «Это был замечательный чудак. Добрый и честный, вечно задумчивый, беспамятный, но в то же время общий любимец <...> Николай Александрович был поэт в душе, и эту поэзию он вносил в грамматическую сушь. Мы любили часы уроков грамматики так же и потому, что чувствовали себя как-то вольнее, свободнее, чем у других учителей...».

Гимназия располагалась неподалеку от бровни волжского косогора, покрытого садами. Это был сплошной лес яблонь, груш, слив и вишен вперемежку с кустами смородины, крыжовника, барбариса и малины. По осени сюда слетались птицы и заглядывали зайцы, что привлекало Богданова и его друзей.

В начале сентября они с собакой отправились в любимый сад, который славился обилием птиц. Модесту выпал жребий ловить дроздов понцами из тонкой филейной сетки. Солнышко уже пригревало, когда к его точке, усыпанному серёжками ольхи и ягодами рябины, подлетела стайка зелёных чижей. «Манный чижики беспокойно завертелся в клетке, обрадовавшись своим родственникам, и зачирикал изо всех сил, приглашая их к себе, – будет вспоминать Богданов. – Но гости церемонились и туго шли на приглашение. Они осторожно стали спускаться по тонким ветвям берёзы, подозрительно высматривая своего злополучного собрата».

Всё-таки один голодный чижики порхнул на точку и стал есть приваду, его примеру последовали и другие. Птицелов дернул верёвку и выскочил из шалаша. Но одно полотно понцев стояло торчком, а под другим билось только три или четыре чижики! Остальные птицы улетели, поскольку при подготовке понцев Модест задел ногой сломанный сук яблони, который зацепил наружный край сети. Оправив понцы и вынув чижей, он снова спрятался в шалаш;

однако птицы летели мимо и ни одна не присела на его точку.

Спустя час-другой Модест услышал сигнал тревоги и бросился в лагерь, где увидел двух друзей, отбивавшихся палками от целой шайки семинаристов. Он бросился на выручку, тут подоспели и другие товарищи. Семинаристы метнулись через забор, пёс Валетка трепал полы их курток. Гимназисты подобрали опрокинутый горшок с ухой, сели обедать печёной картошкой. По возвращении на свои места обнаружили, что семинаристы сломали лучки, выпустили манных птиц, разрушили шалаши. Зная по опыту их коварство, гимназисты перекочевали в другой сад, где знакомый пчеловод приютил их в мшаник на ночлег.

Утром на новом месте ребята расчистили точки, оставили снасти и к полудню уже не знали, куда девать пойманных птиц. Добыли 133 зяблика, 92 чижа, 15 реполовов, 21 лесную канарейку, 17 щеглят, 3 чёрных дрозда, 48 дроздов-рябинников и 17 долгохвостых синиц. А пёс долго гонял и ухватил за бок зайца, когда тот умудрился спрятаться в сложенном у забора хворосте.

«Русаки любят прятаться в хворост, – заметит провожавший гимназистов пчеловод. – Вот погоди, начнутся пороши, сколько их тут разведётся в садах – и не счесть. Ночью гуляют, гложут яблони, а к утру и залягут в бурьян или под хворост».

Когда Модест перешёл в четвёртый класс гимназии, отец подарил ему ружьё. На Покров, когда пушистый снег покрыл белой пеленой улицы и крыши домов, Богданов с компанией отправился охотиться в сады. Гимназисты бросили жребий, кому с кем идти на зайцев. Ребят было семеро, и Модест оказался заштатным одиночкой. Прошёл один сад, перелез в другой и заметил на рыхлом снегу печатный след русака, пробежавшего ночью. Зашагал по следу в полной уверенности, что непременно выйдет к логову косога.

«Заяц <...> гулял по грядкам, грыз обрубленный кочан капусты, листья брюквы; затем следы так перепутались, что я добрых полчаса напрасно проходил по капустнику, отыскивая их нить, – напишет Богданов. – Тогда я попробовал обойти гряды кругом и сейчас же напал на выход зайца. Ленивыми скачками косога направился по огороду, присел перед плетнём, перескочил через него в соседний сад и прошёл по нему ровными прыжками. Но что же это такое? Навстречу моему зайцу, по тому же следу, как будто шёл другой, – и как ловко, лапка в лапку. Иду дальше и держу в памяти пословицу, что за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Вдруг следы пропали совсем: ни того ни другого зайца как не бывало».

Модест остановился, стараясь прочитать заячью грамоту; вдруг невдалеке раздался выстрел. За яблонями стоял высокий старик с окладистой бородой, в руках ружьё. В первую минуту он подумал, что перед ним видение. Но призрак закинул ружьё на плечо и произнёс: «Доброго здоровья, сударь! Надо полагать, что в первый раз изволите охотиться?»

Незнакомец пояснил, что заяц укрылся в ближайших кустах малины. Затем стреканул было дальше, но попал под выстрел. Старик улыбнулся и

спросил отрока, мол, чьи вы? Узнав, что перед ним внук его бывшей помещицы Надежды Алексеевны, разговорился. Рассказал, что он, Егор Степанов, тридцать лет у его дедушки, Бориса Петровича Бестужева, доезжачим был, и тот перед смертью на волю его отпустил.

Они подошли к лежавшему на снегу большущему русаку с глазами навывкате. Степанов привязал добычу себе на спину, зарядил ружьё и обещал Модесту предоставить другого зайца. Прошли два сада, а в третьем старик обнаружил след. Русак разрывал снег и поедая травинки, грыз кору на деревьях и шёл дальше. В одном месте след опять спутался. Старик объяснил, что как начнёт русак метать петли, значит, высмотрел себе логово и хочет ложиться. Косой сделает на снегу петлю, а затем прыгнет в сторону, это по-охотничьи называется сметка. Модест пригляделся и обнаружил, что заяц отпрыгнул на добрую сажень и пошёл дальше. После первой петли сделал вторую, а спустя немного и третью.

Степанов прошептал, что надо осмотреться: где надуло снега, где бурьян или кочка, там и лежит заяц. Но Модест как ни разглядывал кругом, ничего не заметил. Тогда старик указал рукой туда, где под сорванной веткой яблони, укрытой снегом, двигались уши. Юноша дрожащими руками поднял ружьё, прицелился и выстрелил. Кинулся к зайцу и крепко ухватил первую добычу.

Больше поохотиться не удалось, так как пошел снежок и запорошил старые следы. Молодой охотник хотел проститься со старым, чтобы вернуться к товарищам, но тот упрашивал зайти к нему. «Переночуйте у меня, баринок, ведь не чужой вы мне, – убеждал старик. – Покажу вам свою охотку, а на утро и еще зайчиков найдём».

Получив вольную, Степанов перепробовал много дел: торговал, землю снимал и сады арендовал, но никакого проку не выходило. В конце концов пристроился сторожем к симбирскому купцу Карташову в большой яблоневоый сад. Обзавелся домишком, купил тёлку и вырастил из неё корову, устроил себе огородик. Всё свободное время проводил на охоте, держал двух гончих и легаша. Карташов им дорожил. У других за зиму зайцы так обгложут молодые яблони, что все они погибнут; а к Степанову в сад не совались, живо подцепит косога вора. Летом в иных садах двуногие зайцы по ночам нагружают целые мешки ворованными яблоками, но к Егору за этим лучше не ходить. Шумило и Громило (так назывались его гончие) да легаш Трезор зададут такую трёпку, что яблокам рад не будешь. Весной старик спускался с Трезоркой к Волге, в челноке переезжал на Чувичинский остров и стрелял там жирных дупелей. В июне в лугах Степанов с дудочкой и с сетью крыл перепелов, а в августе травил на полях ястребами перепелов. В сентябре трубил в рог по окрестным лесам и садам, это работали его гончие, добывая зайца и лису. Зимой он бродил по порошам или расставлял капканы, а в морозные ночи просиживал на приваде, поджидая волков. Что добудет, то снесёт знакомым господам: кто даёт денег за дичь, кто овса, кто муки. Между купцами старик слыл за первого знатока соловьёв, платили они ему за добрых певцов немалые деньги.

Богданов узнал это, пока шагали до карташовского сада. Встретила их старуха, жена Степанова, накормила, обогрела и уложила спать. Утром Модест не сразу понял, где находится: на окнах – клетки с жаворонками, на потолке – клетки с перепелами, в соседней каморке – ястреба-перепелятники. Показал ему хозяин своих знаменитых соловьёв. По его словам, один из них жил у него седьмой год, пятьдесят рублей за него давали, но сколько ни дай – все мало, а такого соловья не найдёшь.

За ночь погода испортилась, охота пропала, пора было собираться домой. Запряг Степанов в телегу старую сивую лошадку, и потащила она их на крутую Смоленскую гору, в город.

Охота с ружьём стала любимым занятием Модеста. Как-то в Бекшанке в грозовую ночь он заблудился и встретил старика-пасечника Калиныча, прозванного в народе Лешим. При отблесках молнии показалось, что в такую непогоду в лесной глуши можно столкнуться только с лешим. В действительности же Калиныч, как и тургеневский герой-тёзка, оказался человеком добрым, любил и понимал природу.

«С этого дня, как я заплутался, мы большими друзьями стали с Калинычем – я дни дневал у него на пчельнике. Исходили мы с ним бор на десятки верст. Он научил меня, как искать глухаря, как подманивать рябчиков, как найти зверя по следам, как поставить лучше ловушку. Под его рукой впервые познакомился я с лесной природой, с её таинственной жизнью. И, наверное, многие учёные-немцы не показали бы мне того, что показал Калиныч в лесных трущобах и тайниках».

В 1858 году Богданов окончил гимназию и поступил на медицинский факультет Казанского университета. Особого тяготения к медицине не проявлял, больше его привлекала работа над коллекциями зоологического кабинета под руководством профессора Э.А. Эверсмана. Он был оставлен на второй год, а затем переведен на физико-математический факультет как неспособный к медицинским наукам. Плодотворному учению мешало слабое здоровье; тяжелый сердечный недуг – эндокардит – часто заставлял прерывать занятия.

Весной 1862 года Модесту пришлось оставить университет и полтора года провести в деревне. Перерыв в учении использовал для вылазок на охоту и расширения своих наблюдений. В это время отец подал прошение в Симбирское дворянское собрание о внесении его вместе с детьми в дворянскую родословную книгу Симбирской губернии. 16 октября 1864 года Николай Васильевич был переписан в III часть родословной книги из Московской губернии, туда же внесли и детей.

Богданов окреп в домашней обстановке, и в 1864 году был вновь зачислен на второй курс естественного отделения физико-математического факультета. К тому времени профессор Эверсманн уже умер, на кафедре зоологии его сменил Н.П. Вагнер, поработавший в заграничных лабораториях и окончившийся в теоретические споры европейских биологов. Профессор Вагнер и студент Богданов оказались приверженцами английского исследователя Чарльза Дарвина, вскрывшего основные факторы эволюции органического мира.

Университетские занятия Богданова шли успешно. В лаборатории он занимался вскрытиями животных и приготовлением анатомических препаратов. Одновременно участвовал в подготовке к печати рукописи покойного Эверсмана, заключающей описание почти всех русских птиц. Свободное время отдавал ружейной охоте, изучал пролёты и оседлую дичь в окрестностях Казани.

Весной 1866 года Богданов сдал экзамены за университетский курс и к ноябрю подготовил к защите на степень кандидата диссертацию под названием «Материалы для исследований орнитологической фауны в Симбирской и Казанской губерниях». Тогда существовала трёхступенчатая система научных степеней: кандидат, магистр и доктор наук. Кандидатскую диссертацию, представляемую одновременно с окончанием университета, можно сравнить с дипломной работой.

На последнем курсе университета он определился с будущей службой. На кафедру зоологии требовался прозектор или лаборант, говоря современным языком; профессор Вагнер пригласил его на почетную должность.

* * *

В декабре 1867 года на общероссийском научном съезде естествоиспытателей обсуждались важнейшие вопросы русского естествознания – от трудов Дарвина до развития отечественного воздухоплавания. Часть докладов была посвящена роли естественных наук в жизни общества, их практическому значению. Было решено создать при университетах общества естествоиспытателей, чтобы «соединить и соединить местные учёные силы с целью направить их на изучение определённой области России».

Спустя год было создано Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, ещё через полгода образовалось Общество естествоиспытателей при Казанском университете. Его действительными членами, помимо профессоров и студентов, состояли врачи, лесоводы, агрономы, военные, преподаватели гимназий. Богданов был избран секретарём и казначеем.

Летом 1869 года Общество направило его вместе с ботаником О.О. Бауманом в экспедицию по Волге. Они спустились до южных пределов Самарской и Воронежской губерний, затем перебрались в бассейн Дона, чтобы проследить связанных с чередом животных и растений. Собранный материал позволил составить карту распространения видов в правобережье Волги, выделить основные биогеографические районы. Осенью Модест Николаевич представил отчёт «Зоологические области Поволжья», а зиму посвятил сдаче магистерских экзаменов.

К этому времени по рекомендации Вагнера Богданов был зачислен на стипендию для подготовки к профессорскому званию. Он вошёл в число учредителей Казанского общества охоты, устав которого был утверждён в марте 1868 года и предусматривал «ведение правильной охоты в дозволенное законом время». Его членами могли быть «лица всех сословий, как живущие в Казани, так и иногородние, кроме охотников-промышленников».

Для ведения дел общества избрали распорядителем Ю.И. Блюменталю – государственного лесничего, но возникли споры при обсуждении предстоящих общественных охот. Некоторые высказались за приобретение стаи гончих и наём псаря; другие считали более целесообразным арендовать дачи для охоты и разведения дичи. В конце концов решили завести стаю гончих, нанять псаря и купить остальное для организации псовой охоты. В качестве уступки противникам приобретения гончих постановили арендовать часть Порохового казенного болота.

В июле у разных людей было куплено 17 гончих собак, которых опробовали на охоте 11 августа в Ковалях без псаря. Участник той охоты Богданов заметит, что собаки «гоняли <...> отлично, дружно, верно, держась по целому часу на следу, как после не гнали почти ни разу под управлением знаменитого Ваньки-псаря». На 10 ружей в этой охоте было добыто 19 зайцев. Но вскоре стая гончих оказалась в руках Ваньки-псаря, совершенного профана в деле охоты с гончими, перепортившего и заморившего собак, несмотря на дороговизну их содержания.

За первый год было проведено девять общественных охот с гончими и три охоты с загонщиками, где убили 1 волка, 1 лису и 124 зайца. По подсчетам Богданова, если на покупку собак, содержание псаря, приобретение лошади с упряжью было израсходовано около 800 рублей, то каждая общественная охота с гончими обходилась почти в 90 рублей, а каждый добытый заяц – в 9 рублей. Это противоречило основной задаче общества – «организовать правильную, добычливую и дешёвую охоту».

Провалом закончилось и намерение взять в аренду часть Порохового болота. Городская дума отказала на основании того, что передача в аренду этих мест стеснит выгон городского скота. Таким образом, истинные любители охоты вместо наслаждения испытали сожаление не столько о впустую потраченных деньгах, сколько о потерянных надеждах.

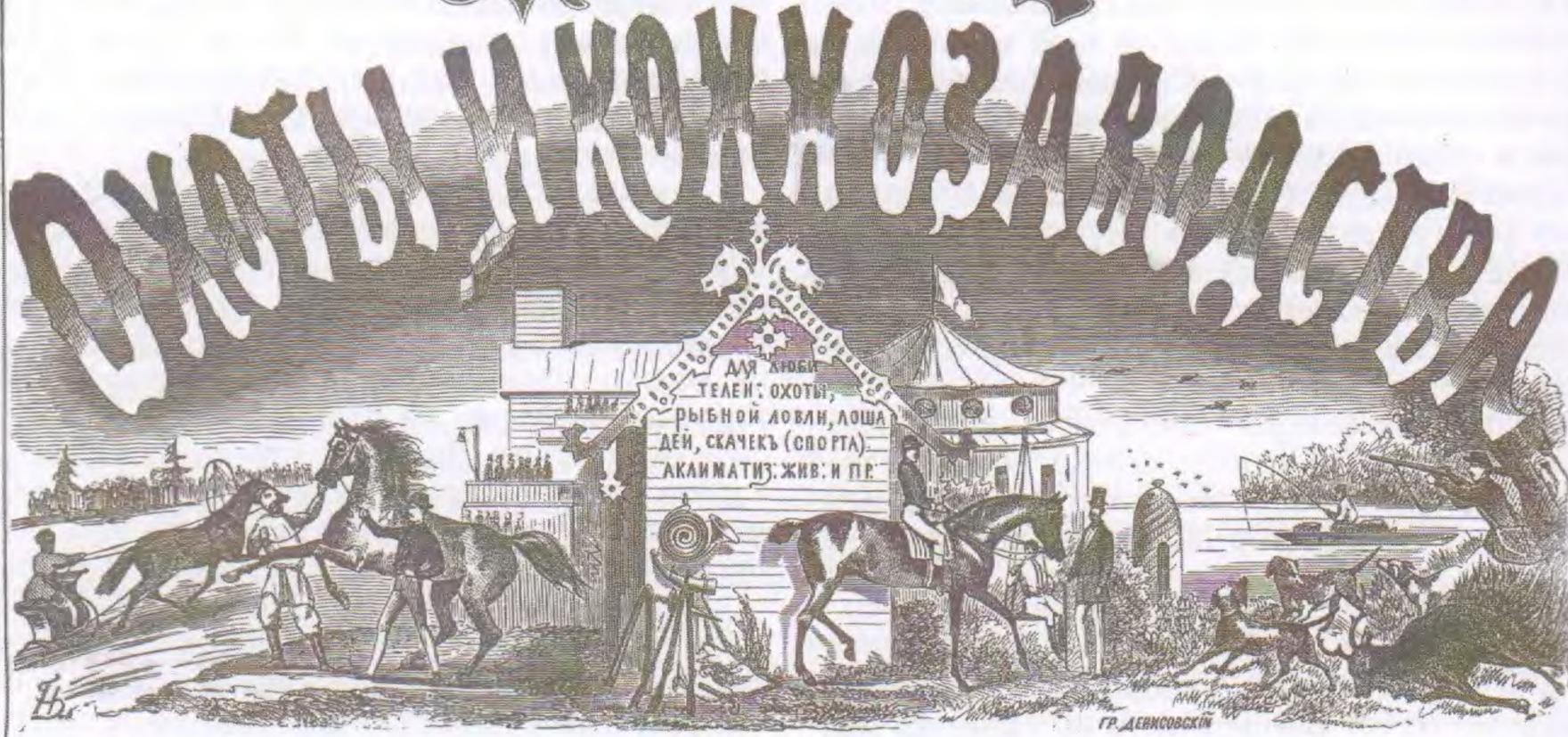
В начале 1869 года почётных и действительных членов общества охоты известили, что 11 января состоится годовое собрание. Богданов опоздал к началу и очень удивился, что из 48 членов присутствуют лишь 8 человек. Мало того, зачитанный Блюменталем отчёт был утверждён большинством всего в 6 голосов, а при выборах распорядителя на новый год один из присутствующих попросил его остаться в этом звании и получил согласие. Те же самые 6 человек поддержали предложение распорядителя не рассылать членам годовой отчёт, так как «он не представляет ничего достойного внимания». Но самым поразительным было решение «продать, или за неимением покупателей раздать членам, а если и тут не найдется желающих, то просто купить на общественные деньги верёвку и перевешать всю стаю общественных гончих, так как охота с ними оказалась неприменимой для общества».

Богданов посчитал не вправе молчать и подготовил для «Казанских губернских ведомостей» материал о неприглядном положении дел в обществе охотников. Подобную корреспонденцию направил и в «Журнал охоты и коннозаводства», рассказал о

15 ЯНВАРЯ.

ЖУРНАЛЪ

1869 Г.

ВЫХОДИТЬ 1-го и 15-го ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ОДИНЪ ГОДЪ

СЪ ПРЕМІЕЮ 7 руб.; съ доставкой и пересылкою 8 руб.

БЕЗЪ ПРЕМІИ: съ доставкою и пересылкою 6 р.; безъ доставки и пересылки 5 р.
Полугодовая подписка не принимается. Яна, которая желаетъ подписаться въ продолженіи года, получать всё прежде вышедшіе номера журнала. — ПРЕМІИ состоятъ въ великолѣпномъ хронолитогравированномъ рисункѣ большого формата, съ изображеніемъ скачекъ или охотничьей сцены. — ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ Редакціи журнала „Охоты и Коннозаводства“ (по Екатерининскому каналу, у Казанской части, д. графини Рибольеръ, № 107) ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, отъ 10 часовъ утра до 4 часовъ пополудни, въ конторѣ Редакціи Ежемѣсячнаго Календаря (по Офицерской ул., у Вознесенск. пр. № 6) и во всѣхъ повѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. — Изъ иностранныхъ обращаются съ своими требованіями исключительно въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Охоты и Коннозаводства“.

№ 2.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ДЛЯ НАПЕЧАТАНІЯ
ПРИНИМАЮТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ.

Объявленія принимаются съ платою по 10 коп. за строку мелкаго шрифта, или занимаемое ею мѣсто; за рекламы платится по условію. Для объявленій могутъ быть, по желанію, изготовлены рисунки. — Желающіе печатать постоянно въ теченіи цѣлаго года извѣстное число объявленій, внося опредѣленный задатокъ, пользуются уступкой, соразмѣрно числу объявленій, которыя они объявляютъ. — За разсылку при журналѣ отдѣльныхъ объявленій, взимается по 6 руб. съ тысячи экземпляровъ. — Статьи, для помѣщенія въ текстъ журнала, должны быть доставлены въ контору Редакціи, непременно за подписью и съ адресомъ автора, безъ чего онѣ печататься не будутъ. — Статьи, признанныя Редакціей неудобными въ печатанію, сохраняются въ теченіи 6 мѣсяцевъ въ конторѣ Редакціи, для возвращенія по личному требованію, а за тѣмъ уничтожаются. — На статьяхъ, представляемыхъ для печатанія за гонимыхъ, должны быть означены условія, на которыхъ авторъ желаетъ помѣстить ихъ.

Содержаніе: I. Охота: 1) О составленіи псовыхъ охотъ и выборѣ охотничьихъ собакъ сообразно мѣстности. — 2) Охота на лосей. — 3) Прирученіе выдръ и дрессировка ея къ рыбной ловлѣ. — 4) Тигрь. — II. Коннозаводство. — 1) Происхожденіе и историческій очеркъ конскихъ скачекъ. — 2) По вопросу о бѣгахъ на призы въ 3-хъ лѣтнемъ возрастѣ. — 3) Варварійскія лошади. — III. Ветеринарная медицина. — О кормленіи лошадей. — IV. Фельетонъ: Охота въ Индіи (продолженіе). — V. Официальныя извѣстія. — VI. Разныя извѣстія. — VII. Справочный листокъ. — VIII. Объявленія. — Рисунки: 1) Лось; 2) Тигрь; 3) Выдра; 4) Варварійская лошадь.

ОХОТА.

О составленіи псовыхъ охотъ и выборѣ охотничьихъ собакъ сообразно мѣстности.

Составленіе или формированіе псовыхъ охотъ должно соображаться:

- 1) съ мѣстностью,
- 2) съ продовольственными способами того края, гдѣ предполагаютъ завести охоту, и наконецъ,
- 3) составъ всякой охоты зависитъ также отъ характера охотниковъ тѣхъ странъ, въ которыхъ принадлежатъ самыя охоты.

Мѣстность, играющая во всемъ и всегда важную роль, оказываетъ большее вліяніе и на составъ самыхъ охотъ; а потому, чтобы ближе рассмотреть, какъ и въ какомъ родѣ должно

принимать въ соображеніе мѣстность, при желаніи сформировать охоту, раздѣлимъ ее на слѣдующіе виды:

- а) мѣстность, покрытая густыми, обширными и притомъ нерасчищенными лѣсами;
- б) мѣстность, покрытая хотя и большими лѣсами, но расчищенными и удобопроездными;
- в) мѣстность, состоящая изъ частыхъ, отѣмныхъ лѣсовъ;
- г) мѣстность ровная, открытая, состоящая изъ обширныхъ полей, и наконецъ
- д) чистогорныя страны.

Казалось бы что сформировать охоту не трудно: стоитъ купить только борзыхъ и гончихъ, да дать людямъ лошадей — и охота готова.

Конечно, борзые, гончія и лошади суть главнѣйшія основныя части всѣхъ вообще псовыхъ охотъ; но дѣло состоитъ въ томъ, что мы въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаемъ разныя охоты: въ одномъ мѣстѣ видимъ охоту, сформированную изъ однѣхъ гончихъ, въ другомъ состоящую изъ борзыхъ и гончихъ, и наконецъ, находимъ такія страны, гдѣ охотятся съ однѣми только борзыми; и причиною всего этого разнообразія охотъ бываетъ мѣстность; а потому, подробнымъ разборомъ cadaго изъ обозначенныхъ здѣсь видовъ мѣстности, покажемъ: въ какой мѣрѣ и по какому именно причинамъ составъ одной охоты соответствуетъ такому роду мѣстности, между тѣмъ какъ для другаго онъ не только не удовлетворителенъ, но даже вовсе бесполезенъ.

Начнемъ съ разбора видовъ мѣстности.